

СВЕРХНОВАЯ
ФАНТАСТИКА

ДМИТРИЙ
КАЗАКОВ

ЧЕРНОЕ
ЗНАМЯ

ЯУЗА-КАТАЛОГ

МОСКВА

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К14

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Александра Соловьева*

Казаков, Дмитрий Львович.

К14 Черное знамя / Дмитрий Казаков. — Москва : Яуза-
каталог, 2016. — 416 с. — (Сверхновая фантастика).

ISBN 978-5-906716-50-7

Они молятся на знамя с трезубцем, но при этом называют себя па-
триотами России и наследниками Чингисхана.

Они восстановили лежавшую в руинах великую страну, но при этом
покрыли ее концлагерями.

Они вернули русскому народу втоптанную в грязь гордость, но при
этом развязали новую мировую войну.

Кто же они такие и чего им это стоило?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906716-50-7

© Казаков Д.Л., 2016
© ООО «Яуза-каталог», 2016

Я могу жить лишь в двух различных формах.
В качестве разума, поставленного на службу лжи,
или в качестве телесной оболочки,
поставленной на службу убийству.

*Альбрехт Хаусхофер
Германия, 1939*

ПОД ХМУРЫМ НЕБОМ ОСЕНИ

1

22 сентября 1938 г.

Казань

З а время, что Олег провел вдали от столицы, здание министерства мировоззрения изменилось мало.

Такси, привезшее Одинцова на площадь Евразии, развернулось и укатило, а он стоял и смотрел так, как будто видел это все в первый раз — могучие колонны из багрового гранита, широкая лестница, золоченые ручки дверей, громадные окна, закрытые изнутри тяжелыми занавесками цвета спекшейся крови.

Зримое воплощение мощи ведомства Паука, раскинувшего свою паутину по всему миру.

Плещущего ее неумоимо, извергающего потоки информации, что растекаются в стороны, проникают в каждый дом, в казармы солдат и в хибары пастухов, в кабинеты чиновников и квартиры ученых.

Да что там в дом, невидимые нити пробираются в голову каждого гражданина Вечной Империи и опутывают его мозг серым клубком, прорастают внутрь, и этот

5

гражданин начинает думать так, как нужно, так, как предписано...

Образ колоссальной паутины заставил Олега вздрогнуть, холодок побежал от макушки к копчику. Он поежился, поднял воротник плаща, защищаясь от ледяного ветра, и тяжело, постукивая палкой, зашагал по тротуару.

Совсем не так — легко и быстро — как привык.

И совсем не туда, куда привык — вот к этим широким дверям, чтобы пройти через них, небрежным кивком ответить на приветствие охранника, и дальше на третий этаж, где располагается отдел общей пропаганды...

Проклятье, к чему ворошить то, что осталось в прошлом?

Но ведь сам попросил таксиста высадить его именно здесь, хотел посмотреть, вспомнить... Поддался идиотскому порыву, хорошо зная, что ни к чему хорошему это не приведет, что пропуск его аннулирован, и что предписание за подписью того же Паука закрыло Одинцову Олегу Николаевичу путь во «дворец» министерства мировоззрения.

Над Казанью царил холодный сентябрьский день, в серой пелене, затянувшей небо, кое-где проглядывали пятна голубизны. Редкие прохожие то и дело поглядывали вверх, на лица читалась опаска — благодаря тому же Пауку, раструбившему на весь мир о невиданной победе, все знали, что несколько дней назад самолеты империи атаковали Суэцкий канал, и многие теперь ждали ответного удара англичан.

Глупость... ни один самолет, даже дальний бомбардировщик, не доберется до Казани.

Ни у Британии, ни у Франции, ни у Японии нет таких аэродромов, откуда можно угрожать столице. Даже

Москва в безопасности, разве что Питер может подвергнуться нападению, да и то очень вряд ли.

— Олег! Ты? — негромкий окрик ударил в спину, заставил Одинцова сбиться с шага.

Он неловко, едва не запнувшись о палку, повернулся.

Застывший у обочины большой черный «Линкольн Зефир» блестел, точно начищенный ботинок. Задняя дверца была распахнута, и от нее к Олегу шагал плотный мужчина во френче, и на усатой физиономии его красовалась привычная кривая усмешка.

— Я, — сказал Олег. — Кто же еще?

— Ну, я бы не сказал, что ты сильно похож на прежнего себя, — как и главный корпус министерства, Владимир Кирпичников, тайный советник, начальник отдела общей пропаганды и талантливый журналист, пишущий под псевдонимом Ставский, за последнее время изменился очень мало.

Те же быстрые движения, скрип сапог, запах табака, взгляд уверенного в себе человека и крепкое рукопожатие.

— После того взрыва в Стамбуле поговаривали, что ты... разное, — сказал Кирпичников, и улыбка его, ничуть не изменившись, стала вдруг фальшивой, как радостный оскал дешевой куклы. — Я был не против, чтобы ты вернулся, но это сам шеф решил... ты понимаешь, он сказал, что мы должны идти в будущее, и что инв... такие люди не в силах выдержать наших нагрузок... ты же сам знаешь, что это правда.

— Да, я понимаю, — проговорил Олег, испытывая желание закрыть глаза, чтобы не видеть самодовольной физиономии бывшего начальника. — Ты не беспокойся... все будет нормально.

— Да, конечно, конечно, само собой, — в голосе Кирпичникова прорезалось облегчение. — Увидимся как-нибудь, ты же теперь тоже в столице будешь? Ладно, я

побежал, встретимся как-нибудь, обязательно, вот только в делах просвет наступит.

Он еще раз потряс руку Одинцова и заторопился прочь.

Дверца машины захлопнулась, «Линкольн» рыкнул мотором и мягко взял с места — к той лестнице, около которой еще недавно стоял Олег. Кирпичников прихватит с сиденья пухлый портфель из коричневой кожи, набитый бумагами, взбежит по ступенькам и вскоре окажется в своем кабинете, где в углу стоит...

Нет, об этом лучше не думать.

Олег отвернулся и, сторбившись, заковылял дальше.

В декабре будет семь лет, как столицу перенесли сюда из Петрограда, и за это время Казань изменилась так, что старожилы только качали головами, превратилась из захолустного губернского города в центр исполинского государства. Здесь, между рекой Казанкой и озерами, снесли множество старых зданий, кирпичных и деревянных, им на смену пришли современные монстры из бетона и стали.

Но вид их Олега сейчас не радовал — серые гладкие стены, похожие на слепые глаза окна.

— «Империя!» «Империя!» Свежий выпуск «Империи!» — прокричал мальчишка-разносчик, пробегая мимо. — Наступление в Китае! Частичная мобилизация в Германии и Чехии!

Одинцов совершенно не знал старую Казань, но был в курсе, что улица Единства, по которой он сейчас шагал, ранее именовалась Воздвиженской.

Когда свернул на боковую улочку, в глаза бросилась висящая на стене афиша — на заднем плане взрывы, столбы огня и дыма, на переднем — героические лица Николая Черкасова и его тезки Крючкова, облаченных в солдатскую форму, и над всем этим надпись «Варшавский гамбит».

На экраны вышел очередной фильм о победоносной войне тридцать второго года, второй германской, как ее прозвали в народе.

Приведет ли к триумфу нынешнее противостояние, где империя сражается с недавними союзниками?

Вновь стало холодно и неуютно, Олег невольно по-ежился.

Нет, проклятье, пусть об этом думают политики и генералы...

Ага, а вот и то здание, что ему нужно, — табличка сбоку от двери дает понять, что принадлежит оно министерству мировоззрения, как и «дворец» на площади Евразии, вот только тут все намного скромнее. Вторая, побольше, но обычными, не золочеными буквами, и без герба, сообщает, что здесь располагается «Институт изучения евразийской истории “Наследие”».

Задворки государства Паука, его собственного удельного княжества.

Скрипнули петли, заскрежетала дверная пружина, и Олег оказался в полутемном вестибюле. Ощутил запах сырости, поймал вопросительный взгляд расположившегося в застекленной будке вахтера.

— Добрый день, — сказал Одинцов. — Мне нужен отдел личного состава.

— Это вам вон туда, — вахтер показал. — Ближняя дверь... да-да, вот эта.

За дверью обнаружился короткий коридор, а в нем еще двери, но в отличие от первой снабженные табличками — «Начальник отдела», «Канцелярия», «Архив», «Бюро учета личного состава».

В последнюю Олег и вошел.

Из-за заваленного папками письменного стола на него недружелюбно покосился клерк в темном костюме — худой и сутулый, прыщавый лоб, очки на носу, сальные черные волосы; типичная канцелярская крыса,

бюрократический червь-паразит, какие были и в старой империи, и в Январской республике, есть и сейчас.

Такие твари находят пищу всегда, и извести их не проще, чем крыс и тараканов.

Наверняка состоит в партии, один из «подснежников», из тех, кто вступил ранней весной тридцатого года, когда даже до самых тупых дошло, что Павел Огневский и ведомая им ПНР берут власть в России, причем крепко и надолго.

— Вам что? — буркнул клерк.

— Оформиться, — сказал Олег, стараясь говорить спокойно.

Что бы там ни болтал Кирпичников, он здоров, он в полном порядке.

— Садитесь, давайте документы, — велел клерк.

Одинцов не без опаски присел на ветхий стул и выложил на стол папку из черной кожи. Сотрудник отдела личного состава открыл ее, поправил очки и принялся одну за другой изучать бумажки.

— Так-так-так, — сказал он. — Одинцов Олег Николаевич, девяносто седьмого года рождения. Верно?

— Верно.

— А где характеристика из партии? Ага, вот она... — клерк удовлетворенно потер ручонки. — Годится... так... Статский советник? Отдел общей пропаганды? Владимир третьей степени, Белый Крест Тенгри, премия Махмуда Ялавачи...

Лицо его вытянулось, глаза округлились, а Олег закрипел зубами — к чему упоминать обо всем этом, о званиях и наградах, которые еще недавно казались столь важными, а теперь потеряли значение?

— Ничего себе... — хозяин кабинета поднял взгляд и уставился на значок, приколотый к лацкану пиджака посетителя — серебряная чаша на высокой ножке, ничего особенно красивого или дорогого, если не учитывать,

что носить подобное украшение мог только «испивший мутной воды», один из тех, кто вступил в партию до двадцать пятого года, а во времена премьеры Коковцова сидел в тюрьме.

Тут уж челюсть клерка и вовсе отвисла, а подобрав ее, он понизил голос и спросил:

— Кому вы мозоль-то оттоптали? Что вас отсюда сюда, к нам?

— Никому не оттоптал, — буркнул Олег сердито. — Делайте, что должны.

— Как скажете, как скажете... — хозяин кабинета продолжил изучать документы, бумаги зашелестели. — Вот вы на меня волком смотрите, а совершенно зря, ведь только на таких, как мы, и держится государство. Что ведь оно такое, на самом деле? Громадная пирамида из служащих. Нацеленная в будущее вершина — это вождь народов и премьер-министр империи, а камни, подпирающие его величие, — это мы все, вплоть до последнего коллежского регистратора в волостной управе. Народ же лишь сырой материал, из которого эта пирамида возводится. Главнейшее дело тут — быть всякому на своем месте и лежать смирно, тогда и конструкция крепче станет.

Одинцов смотрел в сторону, старался не слушать разболтавшегося клерка, что неожиданно оказался философом.

На подоконнике кабинета толпились горшки с геранью и еще какими-то растениями, угол занимала массивная туша нестораемого шкафа, а рядом с ней на стене висел большой плакат. Могучий скуластый всадник с шашкой в руке мчался на зрителя, а из-под ног его коня разбежались крохотные пузатые человечки, чьи лица были искажены от страха, а на цилиндрах виднелись флаги Великобритании, Франции, Германской империи, других западных стран.

Изображенный сверху лозунг гласил: «Раздавим европейскую гадину!»

«Грубо сработано, — подумал Олег, разглядывая плакат. — Вряд ли это наши делали. Военное министерство наверняка постаралось, у них там такие дуболомы сидят, что ой-ой-ой! Хотя какие «наши»?»

И он вновь заскрипел зубами.

Надо забыть, что было с ним раньше, о месте, где он работал до того злополучного майского дня, о людях, с которыми вместе работал...

Вот только каково это — забыть, Олег представлял с большим трудом, слишком необычной памятью наградила его судьба, и если что из нее и выпадало, так совсем давние события, случаи и персонажи из далекого детства, да и то лишь самые незначительные. Он помнил лица, имена, прозвища и даты, мог с легкостью сказать, что делал и где был в тот или иной день даже пятнадцать—двадцать лет назад, процитировать наизусть книгу, читанную в юношестве, или статью из той же «Империи», напечатанную к Дню Воссоединения в тридцать первом году.

Когда-то это умение здорово помогло ему, поспособствовало тому, что он стал тем, кем стал.

— Последние три месяца, начиная с двадцатого июня сего года проживали... согласно отметкам в паспорте... ага, Таврическая губерния, город Ялта, — и клерк вновь поправил очки. — Отдыхали?

— Находился на излечении, — ответил Олег.

Такой отдых можно пожелать только врагу... да, море и солнце, фрукты и пляж, благодатный Крым, но при этом ты не в силах наслаждаться местом, где находишься, поскольку все твои помыслы занимает то, что происходит с твоим телом, боль, слабость и тошнота, бесконечные процедуры, уколы и таблетки.

— И переведены к нам личным предписанием министра, — клерк подобострастно хмыкнул.

Именно так, срочная бумага за подписью Паука выдернула Олега из Крыма, заставила сесть в поезд и вернуться в столицу, куда он прибыл вчера вечером и не успел даже навести порядок в заброшенной квартире.

Чтобы не выдать своих чувств, он вновь отвел взгляд.

На столе меж папок лежал толстый том в серой обложке — сверху надпись «Новая Яса», а внизу флаг, черный, с золотой окантовкой и с белым трезубцем, обращенным вверх, стилизованным белым кречетом, гербом Чингисхана и его рода.

Знамя Вечной Империи, что ныне вьется над Пекином и Стамбулом, Тегераном и Вильно, победоносный стяг, внушающий трепет врагам, вернувший России гордость и славу, навсегда, как казалось, утраченные в шестнадцатом году, после позорного и унижительного Амстердамского мира.

— Значит, пропуск третьего класса по институту и министерству, — сказал клерк, прерывая размышления Олега. — Выпишу я вам его немедленно, приказ отдам в канцелярию сегодня, директор наш, Андрей Евгеньевич, подпишет завтра. После обеда можете приходить, я думаю.

— Хм, я понял, — Одинцов потянулся за папкой.

— Да, конечно, документики ваши, — хозяин кабинета угодливо закивал, трясая сальными волосами. — Что нужно, я себе забрал, да, а паспорт бы вам лучше перерегистрировать, а то давно вы в столице не были, да и новые правила в августе вышли, прямо накануне Дня Поминовения.

— Это в жандармском управлении?

— Нет, в городском департаменте полиции, они сейчас этим занимаются.

— Хорошо, спасибо. — Олег поднялся, поморщился от пронзившей спину боли — точно спицу воткнули.

«Еще какое-то время будет болеть, — сказал главный врач санатория «Родина», когда они прощались в просторном, светлом кабинете, из окон которого видно уходящее за горизонт море. — Может быть, месяц, может быть, два. Но это не опасно. И нога разрабатается, сто процентов».

Очень хорошо, что вспомнил про ногу — а так бы, глядишь, забыл приставленную к столу палку. Олег таскался с этой штуковиной уже не первый месяц, но привыкнуть не сумел — может быть, рассудок подсознательно отвергал этот зримый символ неполноценности, вытеснял его из памяти.

До хруста в пальцах стиснув отполированную ручку, он вышел из «Бюро учета личного состава», придержал шаг, давая дорогу высокому мужчине, появившемуся из-за двери с надписью «Начальник отдела».

В вестибюле «Наследия» оказалось куда болеелюдно, чем когда Олег проходил тут в первый раз — двое работяг, пыхтя, волокли через проходную дощатый ящик, вокруг них крутился молодой очкарик.

— Стой, сейчас все мне тут разворотите! — воскликнул вахтер, и в этот момент стены дрогнули.

Олега ударило в лицо, отшвырнуло в сторону, голову заполнил тяжелый гул.

Очнулся он, как показалось в первый момент, сразу же и обнаружил себя лежащим на полу. Когда открыл глаза, то перед ними все плыло и кружилось, но сумел разобрать, что вестибюль большей частью уцелел, хотя в стене напротив входа красуется пролом, а от застекленной будки не осталось ничего.

Клубилась каменная крошка, а меж обломков и осколков валялись изломанные окровавленные тела.

На миг Олегу показалось, что он вновь там, на проспекте Истикляль, и ужас накрыл его ледяной волной, а сердце замерло. Но через мгновение он вспомнил, что находится не в Стамбуле, а в Казани, и пришла мысль, что это наверняка англичане прилетели на каких-то сверхдальних бомбардировщиках..

«Нет, не может быть, глупость», — подумал он и вновь провалился в беспамятство.

Но и на этот раз оно не продлилось долго, и очухался Олег от зазвучавших рядом голосов.

— О, смотри, живой! — воскликнул кто-то радостно. — Давай, Васька, помогай!

Чьи-то руки, сильные, но аккуратные, подхватили Одинцова, и через миг он оказался сидящим. Тело отреагировало на такое обращение на удивление спокойно, промолчала нога, и спина не напомнила о себе, вот только в голове словно затлел крохотный огонек, начал разгораться, разгораться..

Проклятье, только не это!

Олег не выдержал, застонал — нет, нет, только не это и не сейчас!

Он поднял веки, но не видел почти ничего, нарастающая, пульсирующая боль словно заполняла не только череп, но и весь мир, превращала тот в переплетение смутных теней, нечто абстрактное, картинку плохого художника, изломанную ширму, которую нужно отодвинуть в сторону, но на это нет сил, они есть лишь на то, чтобы дышать, судорожно хватать воздух ртом, и еще на дрожь, сотрясающую тело.

— Эй, товарищ, вы в порядке? Говорить можете? — спрашивали у Олега, но звуки доносились словно издалека.

Голову охватило пламя, но уже через мгновение стало угасать.